

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ,

какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго
и истиннаго міровоззрѣнія.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Абсолютная истина и исторія философіи.

Философское стремленіе къ абсолютной истинѣ осуществляется только въ исторіи философіи — Абсолютная истина, какъ законная цѣль философіи. — Сущность абсолютной истины и ея отношеніе къ исторіи философіи — Предметъ философскаго познанія и его отношеніе къ исторіи философіи. — Реальные условія философскаго развитія въ ихъ отношеніи къ исторіи философіи — Антифилософскія тенденціи въ самомъ философствующемъ индивидуумѣ — Практическій интересъ и вліяніе чувства — Вліяніе наивнаго міровоззрѣнія. — Догматическое вліяніе философскихъ системъ. — Условія распространенія философскихъ ученій и значеніе исторіи философіи.

Философія стремится къ познанію *абсолютной истины*. Стремленіе это какъ по своему *существованію*, такъ и по своимъ свойствамъ познаваемаго *предмета*, такъ равно и по тѣмъ реальнымъ *условіямъ*, въ рамкахъ которыхъ оно осуществляется, дѣлаетъ *исторію философіи* *настоящей ареной*, на которой *только можетъ во всей полнотѣ развернуться подлинная сущность философіи*.

„Абсолютная истина“.... Давно уже и въ философской литературѣ, и тѣмъ болѣе въ не-философской критикѣ раздаются энергичные протесты противъ безмѣрныхъ притязаній философіи и напоминанія о скудости познавательныхъ

¹⁾ См. Богосл. Вѣстн., Янв., стр. 57–76

средствъ человѣка. Не мало насмѣшекъ высказано по адресу философіи, „гонящейся за абсолютами“. И надо сознаться, что эта реакція въ значительной мѣрѣ сдѣлала свое дѣло. Кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ философіи, того не можетъ не поражать скромность задачъ и осторожность тона, какими отличается современная философія, напримѣръ, отъ философіи сороковыхъ годовъ. Я откровенно скажу, что въ наше время самыя слова „абсолютная истина“ въ ушахъ многихъ даже образованныхъ людей прозвучать довольно дико... Но историкъ философіи знаетъ, что это есть лишь случайное, обусловленное спеціальными историческими обстоятельствами явленіе. Ничто намъ не можетъ ручаться, что ближайшее будущее не подаритъ намъ системы, которая съ не меньшей притязательностью на универсальность, чѣмъ напримѣръ, гегельянство, но съ большей научной основательностью приобрѣтетъ господство надъ умами, и такимъ образомъ еще разъ предъ сознаниемъ мыслящаго человечества промелькнетъ оболъстительный образъ найденной, наконецъ, *последней истины*. И внимательные наблюдатели даже довольно увѣренно пророчатъ это будущее. Во всякомъ случаѣ, историкъ долженъ считаться съ тѣми чертами въ понятіи философіи, какими она заявила себя на протяженіи своего многовѣкового существованія и можетъ еще не разъ заявить, а не съ временными, характеризующими, можетъ быть, упадокъ и ослабленіе философской продуктивности.

Что-же такое эта „абсолютная истина“, какъ идеаль философіи? Въ какомъ отношеніи стоитъ она къ исторіи философіи?—*Абсолютная истина*, какъ мы видѣли, является противоположностью истины *относительной*. Въ спеціальныхъ наукахъ источникомъ относительности достигаемаго ими познанія являются ихъ общія понятія и предположенія, которыя онѣ принимаютъ безъ критики и провѣрки. Философія беретъ эти общія понятія и предположенія предметомъ своего спеціальнаго изслѣдованія и тѣмъ дѣлаетъ шагъ къ *освобожденію знанія отъ характера относительности*. Но построить систему, *чуждую всякимъ догматическимъ примѣсямъ*, т. е. не провѣренныхъ критически общихъ понятій и предположеній, это *превышаетъ силы единичнаго человѣка и составляетъ задачу цѣлаго человечества*. Геніальные и наиболѣе дальню-

видные философские умы не мало вложили труда въ эту работу и многое выяснили въ этомъ направленіи, но браться за рѣшеніе этой задачи во всей полнотѣ не отваживались. Брались за это менѣе осторожные и болѣе увлекающіеся мыслители въ родѣ, на примѣръ, Фихте, Гегеля;—но своими поучительными неудачами они, правда, охладили нѣсколько философское рвеніе, тѣмъ не менѣе лишній разъ показали, каковъ конечный идеаль философіи. И хотя теперь смѣются (на примѣръ, Лянге), какъ надъ „романтикой понятій“, надъ тѣмъ, что „Фихте выхватилъ изъ философіи Канта одинъ изъ самыхъ туманнѣйшихъ пунктовъ,—ученіе о первоначальномъ синтетическомъ единствѣ апперценціи, чтобы вывести изъ этого свое творческое я; что Шеллингъ изъ $A=A$, такъ сказать, изъ пустого орѣха, волшебствомъ извлекаетъ міровое цѣлое; что Гегель могъ признать бытіе и небытіе тождественными при радостныхъ кликахъ жаждущей знанія университетской молодежи“: ¹⁾ тѣмъ не менѣе никто изъ ясно понимающихъ дѣло не рѣшится отрицать, что эти мыслители хорошо и вѣрно сознавали высшія задачи философіи и только забывали, что иное дѣло—сознавать задачу и иное дѣло—имѣть средства ее разрѣшить.

„Абсолютно истинной“ будетъ такая система, въ которой *вся положенія*,—какъ общія, такъ и частныя,—*критически проверены*, т. е. взвѣщены со стороны своего содержанія, объема, отношенія къ подлинной реальности (или, какъ теперь говорятъ, къ вещамъ въ себѣ) и другъ къ другу, такъ что не остается въ ней *ни одного* догматическаго предположенія, или непрроверженнаго общаго понятія. Только тотъ, кто самъ испыталъ всю трудность обработки общихъ вопросовъ и знаетъ, сколь велика при этомъ опасность потерять кормило критической осторожности,—только тотъ пойметъ, насколько грандіозна такая задача и непосильна для огнѣльныхъ самыхъ гениальныхъ умовъ и даже цѣлыхъ поколѣній гениевъ; къ рѣшенію ея можно только *безконечно приближаться*, никогда, разумѣется, не доходя до конца этого приближенія. Ступени этого приближенія и знаменуютъ постоянные пересмотры философіей своего содержанія. Какъ вода, пропускаемая нѣсколько разъ чрезъ фильтръ, послѣ

¹⁾ Ф. А. Лянге История материализма Рус. пер. 1853 г. II. Стр. 73.

каждаго раза становитея все чище и чище, постепенно приближаясь къ идеалу абсолютной чистоты, такъ и философское мышленіе, оперирующее надъ общими вопросами міропознанія и жизнепониманія, все болѣе приближается къ своему идеалу абсолютной истины. Приведенное сравненіе грѣшитъ только тѣмъ, что абсолютная чистота воды есть нѣкоторый конечный и достижимый результатъ, между тѣмъ какъ абсолютная истина для философіи есть предметъ безконечнаго и никогда вполне не достигаемаго приближенія. Но *значеніе исторіи философіи* отсюда ясно: въ исторической смѣнѣ системъ осуществляется постепенно идеаль философской истины. И какъ вода разной чистоты все-же есть вода, такъ и разнообразіе системъ не противорѣчитъ тому, что истина—одна.

Я сказалъ, что стремленіе къ абсолютной истинѣ дѣлаетъ исторію философіи настоящей ареной, на которой лишь можетъ во всей полнотѣ раскрыться подлинная сущность философіи,—не только по самому существу этого стремленія (что показалъ я вамъ сейчасъ), но и *по свойствамъ познаваемого предмета*. Дѣйствительно, „міръ“ и „жизнь“, какъ *цѣлое*,—это такой необъятный и многосторонній предметъ, что предъ нимъ неизбежно теряется человѣческая мысль и впадаетъ въ *односторонность*, которая, раскрывшись, становитея въ противорѣчіе съ стремленіемъ къ абсолютной истинѣ и гонитъ мыслящій духъ къ новому пересмотру и дополненію своего міросозерцанія. Крупные и часто непримиримые контрасты,—какъ въ области мірового бытія, такъ и человѣческой жизни,—требуютъ способности къ такому всеобъемлющему *синтезу*, какой невозможенъ для индивидуальнаго ума и можетъ быть постепенно выполняемъ только *въ теченіе исторіи* коллективнымъ умомъ цѣлаго человечества. Это положеніе сдѣлалось общимъ мѣстомъ почти всѣхъ курсовъ исторіи философіи, авторы которыхъ не стоятъ на точкѣ зрѣнія позитивизма или скептицизма. Вотъ что, напримѣръ читаемъ въ „Исторіи новой философіи“ Фалькенберга: „Каждый философъ видитъ только часть міра и смотритъ на нее своими глазами; поэтому всякая система односторонняя. Именно только благодаря множественности и разнообразію философскихъ системъ, можетъ достаточно хорошо достигаться цѣль философіи, т. е. всестороннее познаніе обширной кар-

тины міра и духа. Исторія философіи есть философія человѣчества, большого индивидуума, болѣе дальнозоркаго, чѣмъ органы, при помощи которыхъ онъ дѣйствуетъ, способнаго одновременно мыслить вещи одна другой противоположныя, примирять противорѣчія и открывать новыя и стремиться, въ необходимомъ и надежномъ развитіи познанія, на встрѣчу всеобъемлющей истинѣ, которую нельзя мыслить бѣдной и раздѣленной на несовмѣстимыя части“¹⁾). Эту мысль повторяютъ на разные лады и многіе другіе историки философіи.

Эта мысль настолько вообще распространена, что сдѣлать темой многихъ сказокъ, басенъ и притчей, — напр., о горѣ, къ вершинѣ которой изслѣдователи идутъ съ разныхъ сторонъ и потому встрѣчаютъ на своемъ пути различные предметы и различно описываютъ самую гору и т. п. Я, съ своей стороны, много распространяться объ этомъ не считаю нужнымъ. Скажу только, что совокупныя *историческія усилія* мыслящаго человѣчества препобѣждаютъ естественную односторонность индивидуальныхъ умовъ, и съ каждымъ дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, какой дѣлаетъ исторія философіи, мы становимся все ближе къ идеалу міросозерцанія, чуждаго односторонностей и всякаго догматизма, къ идеалу абсолютно-истинной философіи. Пусть этотъ идеалъ въ дѣйствительности никогда не достигается; — одно приближеніе къ нему составляетъ такую заслугу для умственного развитія человѣчества и настолько осмысливаетъ самое научное проникновеніе въ тайны бытія, что корифеи философской мысли по праву занимаютъ первыя мѣста въ пантеонѣ двигателей прогресса. Если-бы человѣчество поддавалось невѣжественнымъ толкамъ о бесплодности философіи и о серьезной противоположности между нею и спеціальными науками, то это, — прямо скажу, — обозначало-бы начало умственного одичанія. Позитивизмъ, ратующій противъ философіи, есть самъ одностороннѣйшая изъ философіи. Требуемое имъ ограниченіе познанія однѣми только такъ называемыми положительными науками повело-бы лишь къ тому, что и науки, раздробившись на мелочныя и безконечныя спеціальности, утратили-бы сознаніе своей взаимной связи

¹⁾ Фалькенбергъ. цит. соч., стр. 2

и общей цѣли (на чемъ, однако, такъ настаивать основатель позитивизма Огюсть Контъ). Міропознаніе и жизнепониманіе оскудѣли-бы содержаніемъ. Наука сама стала-бы бесплодной. Справедливо, по моему мнѣнію, говоритъ французскій мыслитель Гюйо: „Наши ученые похожи на рудокоповъ въ глубинѣ шахтъ: освѣщено только то, что ближе всего ихъ окружаетъ: далѣе—темнота, неизвѣстное. Обращать мысль только на свѣтлый кругъ, въ которомъ мы движемся, и ограничить свой взглядъ только имъ, забывая о громадности, которая отъ насъ ускользаетъ, было-бы то-же, что самимъ задуть дрожащій огонь фонаря рудокопа ¹⁾“...

Я сказалъ, что философское стремленіе къ познанію абсолютной истины дѣлаетъ настоящей и полной выразительницей сущности философій ея *исторію*. Я затѣмъ раскрылъ предъ вами, какъ это обусловливается самымъ существомъ названнаго стремленія и свойствами познаваемого предмета. Третью причину, по которой исторія философій есть выразительница сущности философій во всей ея полнотѣ, я указалъ въ тѣхъ *реальныхъ условіяхъ*, при которыхъ осуществляется стремленіе человеческого духа къ абсолютной истинѣ. Къ разъясненію этихъ условій и перейдемъ теперь.

Условія эти—*двоякаго* рода: одни касаются *самого мыслителя*, создающаго извѣстную систему, другія-же относятся къ *распространенію* и усвоенію даннаго философскаго ученія, къ переходу его въ общечеловѣческое духовное состояніе.

Въ самомъ *философствующемъ индивидуумѣ* заложено не мало *антифилософскихъ тенденцій*, дѣлающихъ его вкладъ въ общечеловѣческую сокровищницу философскаго вѣдѣнія непременно *одностороннимъ и частичнымъ*. И только *исторія* преоблѣждаетъ эту односторонность и частичность.

Самой первой антифилософской тенденціей является *практической интересъ* и *вліяніе чувства*. Обыденное мышленіе представляетъ массу примѣровъ, подтверждающихъ зависимость нашего сужденія отъ этихъ вліяній. Примѣры эти настолько многочисленны, а наиболее типичные изъ нихъ даже избыты, что приводить ихъ едвали стоить: — можно

¹⁾ М. Гюйо, Искусство съ точнн зрѣнія соціологіи Рус. пер. 1891. Стр 144

предположить ихъ общезвѣстными. А кому захотѣлось-бы ближе познакомиться съ этой любопытной стороной чело-вѣческаго духа, тотъ пусть прочитаетъ „Эристику“ и „Афоризмы“ Шопенгауэра, который съ глубокомыслиемъ серьезнаго философа соединяетъ здѣсь злость и мѣткость гениальнаго памфлетиста. „Quae volumus, ea libenter credimus“, чего намъ хочется, тому мы охотно вѣримъ,—глубоко вѣрное психологическое наблюденіе, которое стало теперь общимъ мѣстомъ даже газетныхъ фельетоновъ. И даже отбросьте вы всѣ явно недобросовѣстныя явленія этого рода, когда, на-примѣръ, корыстный расчетъ дѣлаетъ челоувѣка пропагандистомъ идеи, въ которую онъ совсѣмъ не вѣритъ, или борцомъ противъ взглядовъ совершенно для него безразличныхъ, но раздѣляемыхъ ненавистными ему людьми, — отбросьте вы эти явленія, гдѣ именемъ истины прикрывается только эгоизмъ и вражда,—все-таки останется громадная масса случаевъ, когда челоувѣкъ дѣлается слѣпымъ къ цѣнности тѣхъ или иныхъ основаній подѣ вліяніемъ чувства и личнаго интереса. Шопенгауэръ даже говоритъ, что люди чаще обманываютъ самихъ себя, чѣмъ другихъ.

Эта тенденція немного только въ меньшей степени встрѣчается и въ философій. Случай *недобросовѣстной* фальши, къ чести нашей науки, довольно рѣдки между философами, по крайней мѣрѣ, новаго времени. Въ средніе вѣка тиранія религіозной догмы, выступавшая съ горделивымъ девизомъ, что „философія—служанка богословія (philosophia est ancilla theologiae),“ не мало породила образцовъ такого тенденціознаго философствованія, которое справедливо осуждено исторіей, какъ псевдо-философскій хламъ. Въ новое и новѣйшее время подобную-же жалкую участь переживаетъ „томизмъ“ (католическая философія). У насъ въ Россіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія подобному-же уродованію подвергалась довольно долго университетская философія и въ меньшей степени академическая ¹⁾ Собственно изъ корифе-

¹⁾ Последнее замѣчаніе дѣлаю въ виду извѣстной конечно вамъ недавней рѣчи проф. Александра Ив. Введенскаго, при открытіи Петербургскаго философскаго общества, гдѣ онъ, по моему мнѣнію, весьма несправедливо оцѣнилъ значеніе академической философіи для философскаго развитія Россіи (См. „Вопросы философіи и психологій“, за 1893 г. мартъ—апрѣль, № 42)

евъ европейской мысли только въ некоторыхъ можно иногда упрекнуть въ *умалчиваніи* и въ *очень легкой* искаженіи своихъ дѣйствительныхъ мыслей по политическимъ соображеніямъ (напр., Декарта, Канта, Гегеля и др.); но умалчаніе,—вы, конечно, согласитесь,—есть всетаки меньшій грѣхъ, чѣмъ сознательная ложь. „Человѣкъ,—утверждаетъ Кантъ,—долженъ говорить только то, въ истинности чего онъ убѣжденъ; но не всякую истину онъ обязанъ говорить.“ Разумѣется, въ этихъ словахъ надо признать недостатокъ нравственнаго мужества: но кто-же имъ владѣть вполне?...

Но если, какъ я сказалъ, случаи недобросовѣстной фальши между философами чрезвычайно рѣдки, то случаи прекрещнаго и ими самими незамѣчаемаго самообмана, или увлеченія пзвѣстной идеей по внушенію *чувства* и другихъ психологическихъ расположеній,—нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ, которыя я объединяю въ понятіи *жизненно-практическихъ потивовъ*,—имѣютъ мѣсто и въ отношеніи къ нимъ. Главныя философскія проблемы никакъ не могутъ считаться совершенно нейтральными въ отношеніи къ основнымъ жизненно-практическимъ потребностямъ человека, къ его духовнымъ нуждамъ и нравственнымъ стремленіямъ. Что касается такихъ вопросовъ, какъ—о душѣ, о Богѣ, о свободѣ воли, о совѣсти и т. п., то здѣсь это совершенно ясно само собою. Потому-то въ обсужденіи этихъ вопросовъ и трудно человѣку достигнуть той полной объективности, того спокойнаго безпристрастія, какія совершенно обычны, напримеръ, въ изслѣдованіяхъ математическихъ и, большею частію, естественно-научныхъ. Потому-же и въ оцѣнкѣ чужихъ воззрѣній по этимъ вопросамъ и въ обмѣнѣ мнѣній обыкновенно обнаруживается такъ много страстности и предвзятости. Человѣкъ религіозный легче способенъ удовлетвориться плохими философскими доказательствами бытія Божія, менѣе способенъ подмѣтить ихъ слабыя стороны, а въ аргументахъ агенстовъ и скептиковъ легко усматриваетъ или умственную ограниченность, или-же недобросовѣстность. Точно также пзвѣрующій преувеличиваетъ слабыя стороны этихъ доказательствъ. Человѣкъ нравственно настроенный перѣдко а priori считаетъ софизмами всѣ доводы детерминистовъ противъ свободы воли, потому что ему кажется, что безъ свободы нѣтъ никакой нравственной ог-

вѣтственности. Подобныя-же нравственныя опасенія часто скрываются и за разсужденіями о душѣ и, конечно, мѣшаютъ безпристрастію этихъ разсужденій. „Когда движеніе земли было доказано, говоритъ Лянге, всякому филистеру казалось, что онъ долженъ упасть, если не будетъ опровергнуто это опасное ученіе; подобнымъ образомъ иной и нынче боится стать шлемъ, если Фохтъ ему докажетъ, что у него нѣтъ души.“¹⁾ Но если мы возьмемъ проблемы и менѣе близкія сердцу человѣка, то и въ нихъ всегда окажется возможной примѣсь личнаго интереса. Напримѣръ, безконечно или конечно пространство? Не безразлично-ли, кажется, это для насъ? И однако я знаю нѣсколькихъ философовъ, которые и въ обсужденіи этого вопроса обнаружили всю ту непровольную софистику, въ которую человѣкъ такъ легко впадаетъ подъ вліяніемъ религіозно-нравственныхъ предубѣжденій... А эстетическіе предразсудки—какъ много они мѣшали, напримѣръ, безпристрастному изслѣдованію проблемы причинности и телеологии! Да, наконецъ, уже простой фактъ существованія въ философіи направленій, которыя сами себя называютъ „эстетизмомъ“ или „волюнтаризмомъ“, показываетъ, что разематриваемая антифилософская тенденція въ мышленіи человѣчества не только существуетъ, но и возводится даже сама въ философскій принципъ.

И когда вамъ придется читать или слышать, что въ философіи „позади логической работы основаній и слѣдствій стоятъ психическіе факторы, большею частію не логической природы, но сильнѣе всякой логики,“²⁾ что „міровоззрѣнія вырастаютъ изъ различныхъ временныхъ настроеній человѣчества, какъ цвѣты всеобщаго культурнаго процесса, и представляютъ собою не столько обдуманые продукты, сколько ритмы мышленія, не теории, но проникнутые чувствомъ оцѣнки способы относиться къ міру“;³⁾ когда вы встрѣтитесь съ воззрѣніемъ, что „не только пессимизмъ и оптимизмъ, детерминизмъ и ученіе о свободной волѣ, но также пантеизмъ и индивидуализмъ, идеализмъ и матеріализмъ,

¹⁾ Лянге, Ист. матер., т. II, стр. 470—471

²⁾ Фалькенбергъ, Ист. нов. фил. стр. 2

³⁾ *Ibid.*, стр. 3.

даже рационализмъ и сенсуализмъ имѣютъ свой корень въ глубинѣ аффекта и остаются въ концѣ концовъ дѣломъ вѣры, чувства и воли, хотя и работаютъ посредствомъ мысли“: ¹⁾ то не спорьте противъ самаго этого тезиса;—онъ, конечно, вѣрнее или, точнѣе сказать, *въ сожалѣнію* вѣрнее; но вы обязаны спросить, если только вы правильно понимаете задачи философіи,—насколько законно такое явленіе: не приносится-ли здѣсь философское стремленіе къ истинѣ, и даже къ „абсолютной“ истинѣ, въ жертву самымъ не- философскимъ и враждебнымъ истинѣ тенденціямъ? Вотъ что слѣдуетъ всегда помнить при оцѣнкѣ этихъ „психическихъ факторовъ не логической природы, но сильнѣе всякой логики, стоящихъ позади логической работы мысли.“ Это—не законные факторы философскаго развитія, а *тормазы философскихъ успѣховъ*. Чѣмъ независимѣе отъ нихъ, чѣмъ объективнѣе будетъ философское мышленіе, тѣмъ лучше. Нѣтъ нужды разяснять, что благодаря этимъ тормазамъ, каждое индивидуальное философствованіе бываетъ необходимо *одностороннимъ* и приближеніе къ истинѣ—*частичнымъ*.

Коррективомъ этой односторонности и частичности и является *исторія философіи*. Личные практическіе мотивы, которые такъ дороги бываютъ самому мыслителю, очень часто не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ другого, и онъ безъ сожалѣнія разбиваетъ кумиръ, предъ которымъ благоговѣнно смирялась мысль его предшественника. Часто удивляются, что трудно найти двухъ философовъ во всемъ согласныхъ, и ставятъ это въ упрекъ философіи; но съ указанной точки зрѣнія это такъ понятно: *трудно найти людей похожихъ другъ на друга...* Какъ приборъ морскихъ волнъ гладко шлифуетъ другъ о друга прибрежные камешки, которыми усыпано морское дно, такъ и въ кажущейся сутолоцкѣ исторической смѣны философскихъ міровоззрѣній сглаживаются индивидуальныя и субъективныя черты, сметаются случайныя и тенденціозныя налеты, и отъ каждой системы остается здоровое и имѣющее общечеловѣческую цѣнность ядро. Говорятъ, что только потомство судитъ безпристрастно и правильно. И это—совершенно вѣрно, потому что потомство не живеть уже настроеніемъ своихъ предковъ и въ прощухахъ

¹⁾ *Иbid*

ихъ умышленнаго труда часто цѣнятся не то, что казалось наиболѣе цѣннымъ имъ самимъ, а только то, что имѣеть объективную цѣнность, независимо отъ всевозможныхъ интимныхъ побужденій. Потому-то достоинство философскихъ системъ въ значительной степени и опредѣляется *силою ихъ историческаго вліянія*

Другая антифилофская тенденція, заложенная въ самомъ философствующемъ индивидуумѣ, есть *вліяніе наивнаго міровоззрѣнія* или,—какъ его иначе неправильно называютъ,—міровоззрѣнія естественнаго *здраваго смысла*. Это міровоззрѣніе, какъ увидимъ, гораздо сильнѣе препятствуетъ правильному *усвоенію* философскихъ ученій; но и самому философу въ его поискахъ за истиной оно много мѣшаетъ. Міровоззрѣніе естественнаго смысла въ каждомъ изъ насъ обыкновенно успѣваетъ уже прочно сложиться, прежде чѣмъ человѣкъ начнетъ философствовать. И говорилъ вамъ, что философія, какъ „научное изслѣдованіе“, имѣетьцѣлью замѣнять наивныя убѣжденія естественнаго или обыденнаго смысла методически установленными и проверенными въ своей истинности сужденіями о предметахъ. Но передѣлывать прочно сложившіяся убѣжденія весьма трудно, и обыкновенно при самомъ тщательномъ пересмотрѣ многое изъ стараго остается незамѣченнымъ и безъ проверки входитъ въ систему. И это одинаково неизбежно, какимъ-бы путемъ ни шелъ мыслитель,—путемъ-ли Декартоваго методологическаго *сомнѣнія во всемъ*, заразъ расчищающаго почву для новыхъ уже научныхъ, построеній или путемъ *постепенныхъ поправокъ*. Въ первомъ случаѣ мыслитель совсѣмъ почти остается безъ средствъ, и его будто-бы „чистый“ разумъ не можетъ ни одного шагу сдѣлать впередъ, не ощущая для своего движенія необходимости въ тѣхъ самыхъ понятіяхъ, которыя онъ только что подвергъ своему абсолютному сомнѣнію; дѣло кончается тѣмъ, что или все отвергнутое разомъ возстановляется на своемъ мѣстѣ посредствомъ какого-нибудь необычайнаго „критерія“, или-же явно отвергнутыя понятія тайкомъ и безознательно пускаются въ дѣло, и такимъ образомъ получается только обманчивая видимость критически проверенной и обоснованной системы. Во второмъ случаѣ, новыя поправки, вступая въ соединеніе съ элементами стараго міровоззрѣнія, въ итогѣ всетаки даютъ довольно урод-

ливую смѣсь истины съ наивно-догматическими воззрѣніями. Это отчасти похоже на то, какъ если-бы изъ стакана черпиль вычерпывать по чайной ложкѣ содержимое, замѣняя каждую почерпнутую ложку ложкою чистой воды; скоро-ли вы достигнете, чтобы у васъ въ стаканѣ оказалось если не абсолютно чистая вода (что, конечно, невозможно), то хоть нѣчто подобное ей?... А теперь соотвѣтственно раздвиньте рамки этого сравненія,—и вы поймете, что не только одной человѣческой жизни не хватитъ на эту работу постепеннаго исправленія непосредственнаго наивнаго міровоззрѣнія, но и цѣлому поколѣнію философовъ эта работа дается съ большимъ трудомъ. Какъ видите, дѣло опять сводится къ тому, что немощь индивидуальной мысли препобѣждается только *исторіей философіи*, т. е. *рядомъ преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ и другъ друга продолжающихъ, исправляющихъ и дополняющихъ попытокъ философскаго приближенія къ истинѣ.*

Замѣна міровоззрѣнія естественнаго смысла строго философскимъ міровоззрѣніемъ затрудняется главнымъ образомъ тѣмъ, что философствованіе образуетъ лишь малую часть въ духовной жизни человѣка. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ человѣку почти нѣтъ практической надобности отрѣшаться отъ міровоззрѣнія естественнаго смысла. Въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, въ домашнемъ быту, въ товарищескихъ отношеніяхъ, въ практической дѣятельности—философу обыкновенно не приходится прилагать свои, въ общемъ всетаки довольно абстрактныя, идеи. Исключеніе представляютъ только нѣкоторые немногіе чудаки древняго и новаго времени; и произведенія въ родѣ Хемницероваго „Метафизика“ навсегда останутся не типичными картинами съ натуры, а лишь продуктомъ празднаго вымысла. Идеальность Берклея, напримѣръ, въ своемъ поведеніи не давалъ никакихъ поводовъ къ тѣмъ не деликатнымъ насмѣшкамъ, какія сыпались на его ученіе. Во всякомъ случаѣ, философу,—помимо того, что онъ самъ воспитался и выросъ на міровоззрѣніи естественнаго смысла,—приходится, и выработавши уже собственное міровоззрѣніе, постоянно становиться на обыденную точку зрѣнія. Это—вѣчный балластъ, постоянно заставляющій мыслителя спускаться съ высотъ познанія. Незамѣтно для самого себя самый бдительный и критическій

философъ усваиваетъ себѣ не-философскіе навыки обыденнаго мышленія.

Наконецъ, и извѣстная *тиранія языка*, на которую жалуются большинство философовъ, есть тоже одно изъ проявленій разсматриваемой тенденціи. Языкъ нашъ всецѣло приспособленъ къ потребностямъ обыденной жизни и часто совсѣмъ не годится для точнаго выраженія философскихъ понятій. Конечно, разъясненія насчетъ *спеціального значенія*, усвояемаго словамъ, могутъ предохранить отъ путаницы въ этомъ отношеніи; но нерѣдко и съ самимъ философомъ случается грѣхъ, что онъ забываетъ объ установленномъ вмѣстѣ самимъ условномъ значеніи извѣстнаго термина и начинаетъ употреблять его въ обыденномъ смыслѣ, отъ чего, само собой понятно, выходитъ путаница. Единственнымъ надежнымъ средствомъ является *созданіе собственной спеціально-философской терминологіи*: и философы часто прибѣгаютъ къ этому средству. Но стремленіе быть понятнымъ для большинства литературно образованныхъ людей и желаніе распространенія своему ученію (философовъ, какъ вы знаете, и безъ того упрекаютъ въ *темнотѣ и непонятности для публики*) мѣшаютъ очень широкому примѣненію этого средства.

Лишь неподволь, въ теченіи *исторіи*, обработка общихъ вопросовъ, или философія, освобождается отъ нависно-догматическихъ примѣсей. Идеаль *абсолютной истины* служить для философовъ только путеводной звѣздой, приближеніе—же къ нему есть дѣло медленнаго и труднаго процесса.

Третья антифилософская тенденція, тоже заложенная въ самомъ философствующемъ индивидуумѣ, есть *догматическое принятіе* многихъ положеній *предшествующихъ системъ*. Въ нашемъ научномъ мышленіи—такое множество этихъ не проверенныхъ понятій, безъ критики заимствованныхъ изъ философіи прошлаго, что уберечься отъ ихъ вліянія столь же трудно, какъ и отъ вліянія естественнаго міровоззрѣнія обыденнаго смысла. Вліяніе этой тенденціи совершенно аналогично съ только что разсмотрѣнной.

Я сказать, что кромѣ антифилософскихъ тенденцій, заложенныхъ въ самомъ философствующемъ индивидуумѣ, также и *условія распространенія и усвоенія* философскихъ ученій дѣлаютъ только исторію философіи выразительницею сущности философіи.

Философскія истины,—мало того что съ трудомъ *добываются*,—съ трудомъ и *распространяются*.

Всякая новая философская система или отдѣльная идея вначалѣ обыкновенно встрѣчается весьма недовѣрчиво и даже враждебно. Враждебность эту прежде всего проявляетъ тотъ самый „естественный“ или „здравый“ смыслъ, который и въ самомъ философѣ служитъ тормазомъ философствованія. Это мировоззрѣнiе здраваго смысла есть наслѣдственное достоянiе цѣлаго человѣчества, путемъ долгой эволюціи отлично приспособленное ко всѣмъ его практическимъ потребностямъ и къ рѣшенію пехитрыхъ проблемъ обыденнаго опыта. Оно въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть даже названо инстинктивнымъ. Понятно, что оно сильно противится попыткамъ отдѣльныхъ людей замѣнить привычныя понятія новыми и, по своей новизнѣ, странными. Нѣтъ болѣе *консервативной* силы, чѣмъ общечеловѣческія *умствѣнныя привычки*. Уже древность знакома была съ этими препятствіями къ философствованію, въ новос-же время на нихъ указывали почти всѣ философы, начиная съ Бэкона съ его знаменитымъ ученіемъ объ идолахъ. Сила традиціонныхъ навыковъ мысли и чувство своей полной солидарности съ громаднымъ человѣчествомъ дѣлаютъ людей обыденнаго смысла необыкновенно смѣлыми въ сужденіяхъ о философяхъ,—этой ничтожной группѣ среди нефилософскаго большинства,—и о философіи. „Обыкновенное представленіе,—справедливо говоритъ Куно Фишеръ,—любитъ воображать себѣ философію, какъ праздную теорію, которой занимаются нѣкоторыя головы по случайнымъ поводамъ. Случай порождаетъ философскія системы; праздные теоретики, число которыхъ, по счастью, очень невелико, принимаютъ и проповѣдуютъ эти системы¹⁾“. Всякая философская теорія навѣрняка можетъ разсчитывать на апіоріное предубѣжденіе противъ себя.

Но это-бы еще была не велика бѣда: философія никогда не претендовала на непосредственное распространеніе въ массахъ: философы всегда образовали ничтожное меньшинство умственной аристократіи и, разумѣется, пренебрегали

¹⁾ Куно Фишеръ, Ист. нов. фил., т. I, стр. 17

сужденіями толпы ¹⁾. А дѣло въ томъ, что даже тѣ, къ кому философія считаетъ себя въ правѣ обращать свою проповѣдь, т. е. люди научно образованные, обыкновенно въ своихъ общихъ понятіяхъ весьма сильно приближаются къ точкѣ зрѣнія обыденнаго смысла или стоятъ подъ сильнымъ вліяніемъ *ранѣе усвоенныхъ* философскихъ доктринъ. О послѣднемъ вліяніи я скажу немного послѣ. Что-же касается общихъ понятій обыденнаго смысла, то они и въ людяхъ научно образованныхъ составляютъ чрезвычайное сильно препятствіе къ усвоенію философскихъ идей. Послѣднимъ приходится завоевать себѣ признаніе путемъ долгой *борьбы*, послѣ которой онѣ уже становятся *достояніемъ научнаго мышленія*, и только уже потомъ, чрезъ посредство научной популяризаціи, оказываютъ вліяніе на средне-образованныя массы и даже усвоятся ими,—конечно, въ значительно искаженномъ и упрощенномъ видѣ. Послѣ этого онѣ начитаютъ казаться настолько-же простыми и естественными, насколько раньше казались трудными и невѣроятными. Шопенгауэръ говоритъ, что всякая новая идея или теорія до полнаго своего признанія проходитъ *три* стадіи: въ началѣ ее рѣшительно объявляютъ *нелѣпой и невѣроятной*; потомъ, когда она уже пріобрѣтаетъ себѣ нѣкоторыхъ приверженцевъ, начинаютъ говорить, что она *противна религіи или нравственности*; наконецъ, когда окончательный успѣхъ ей уже обезпеченъ, она кажется *самоочевидной*, и пропагандистамъ ея говорить: „да кто-же этого и раньше не зналъ ²⁾“? Это блестящее наблюденіе Шопенгауэра однако немного утрируетъ дѣйствительность. Нѣсколько ближе къ дѣйствительности, хотя, пожалуй, уже смягчаетъ ее—Куно Фишеръ, который замѣчаетъ, что „философія кажется своимъ близкимъ современникамъ отвлеченною и трудною, между тѣмъ какъ напротивъ для развитаго потомства она понятнѣе и яснѣе всѣхъ дѣяній прошедшаго ³⁾“.

Въ отношеніи къ *исторіи философіи* изъ всего этого вы-

¹⁾ Подъ „массаи“ и „толпой“ я разумѣю, конечно, не народныя массы, а классъ *средне-образованныхъ* людей

²⁾ Шопенгауэръ, Эстетика, прилож.

³⁾ Куно Фишеръ, Цит. соч., стр. 23.

текаетъ вотъ какое слѣдствіе. *Никакая философская система вскорѣ послѣ своего появленія не бываетъ какъ слѣдуетъ понята и въ надлежащей мѣрѣ усвоена,*—многое въ ней оспаривается, многое понимается превратно. Частію полемика съ нею, частію непониманіе ея истиннаго значенія успѣваютъ породить новыя доктрины, прежде чѣмъ данная система будетъ оцѣнена по достоинству. Понятно, что самая эта оцѣнка должна захватывать и указанныя доктрины. Такъ *исторія провозноситъ приговоръ* надъ системами.

Подобное-же значеніе для философіи имѣетъ и *оппозиція* всякому новому ученію со стороны другихъ, *ранѣе появившихся философскихъ ученій*. Приверженцы послѣднихъ рѣдко бываютъ способны безпристрастно отнестись къ тому, что идетъ въ разрѣзъ съ усвоенными ими воззрѣніями. Оставляя здѣсь въ сторонѣ мотивы самолюбія, научнаго соперновенія и другія личныя побужденія, о которыхъ я уже сказалъ раньше, надо согласиться, что самая приверженность къ существующимъ уже воззрѣніямъ порождаетъ нѣкоторую *умственную близорукость* въ оцѣнкѣ новыхъ ученій. Не было еще такой философской системы, которая-бы при самомъ появленіи встрѣтила общее признаніе въ самомъ философскомъ мірѣ. Всегда начиналась *борьба за существованіе*, имѣвшая, какъ обыкновенно, результатомъ переживаніе сильнѣйшаго, т. е. такихъ элементовъ въ сталкивающихся философіяхъ, которые оказывались наиболѣе цѣнными и плодотворными въ смыслѣ приближенія къ истинѣ. Такимъ образомъ, судьей является опять *исторія*. „Абсолютная истина“, какъ идеаль, оказывается только *движущей силой* этого историческаго процесса, но никогда, ни въ одномъ его моментѣ, не бываетъ достигнутымъ *результатомъ*.

Въ условіяхъ усвоенія философскихъ ученій имѣютъ значеніе не только *препятствія*, встрѣчаемыя данными ученіями, но и отношеніе къ нимъ ихъ *приверженцевъ*. Если противники оказываются слѣпы къ *достоинствамъ*, то приверженцы часто оказываются столь-же слѣпы къ *недостаткамъ* системы. Я говорилъ вамъ, что приверженцы всѣхъ великихъ системъ склонны бываютъ видѣть въ нихъ *послѣднее слово* философскаго вѣдѣнія. Въ ихъ глазахъ положенія исповѣдуемой ими доктрины стоятъ не менѣе твердо, чѣмъ

любая научная истина. Эта приятная иллюзия окончательно достигнутой истины не только психологически неизбежна, но и составляет одно из условий плодотворной работы для самого мыслителя. Безъ вѣры въ безспорную истинность открываемыхъ и провозглашаемыхъ идей невозможенъ тотъ энтузіазмъ, нерѣдко возвышающійся до пророческаго ясно-видѣнія, невозможна та кропотливая и самоотверженная работа надъ мелкими и отвлеченными, но существенно важными для системы вопросами, чѣмъ всегда отличались крупнѣйшіе представители философской мысли. Проповѣдь агностицизма и релятивизма, хотя и явилась на философской почвѣ, но по своимъ скрытымъ тенденціямъ есть явленіе довольно антифилософское. Она знаменуетъ усталость философскаго духа; и этой усталостью, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ значительной мѣрѣ отличается настоящее время. Заявленіе Гегеля на вступительной лекціи въ Берлинскомъ университетѣ,—что „человѣкъ долженъ уважать себя и считать себя достойнымъ самыхъ высокихъ истинъ“,—навсегда останется девизомъ наиболѣе сильныхъ умовъ.— Но это-же столь цѣнное во многихъ отношеніяхъ стремленіе признавать достигнутые результаты окончательно является и *тормазомъ философскаго прогресса*. Всякая гениальная философаема надолго погружаетъ философскіе умы,—употребляя выраженіе Канта,—въ „*догматическую дрѣмоту*“. Послѣдователи разрабатываютъ систему до ея отдаленнѣйшихъ слѣдствій и выводовъ, упорно отстаиваютъ ее отъ всѣхъ нападеній критики и тѣмъ, конечно, мѣшаютъ отдѣленію ея здороваго и истиннаго ядра отъ той шелухи субъективизма, некритичности и случайныхъ историческихъ наслоеній, которая неизбежна во всякой системѣ. И чѣмъ значительнѣе система, тѣмъ дальше продолжается ея догматическое обаяніе. Только ставъ достояніемъ *исторіи*, смѣнившись другими системами,—которыя частію отвергаютъ и ограничиваютъ ея содержаніе, частію усвояютъ его,—данная система находитъ свою истинную и правдивую оцѣнку.

Изъ всего сказаннаго вы видите, какими трудными путями идетъ человѣческій духъ къ истинѣ, какими многочисленными препятствіями обставлено это движеніе. Если уже самое *существо* искомой въ философіи (абсолютной) истины и

свойства познаваемого *предмета* дѣлаютъ достиженіе философскаго идеала только *задачей исторіи*, какъ совокупныхъ и смѣняющихся другъ друга настойчивыхъ попытокъ приблизиться къ этому идеалу;—то тѣмъ болѣе такое значеніе исторіи философіи выясняется изъ сдѣланнаго обзора *реальныхъ условий*, въ какихъ совершается философская работа.

И. Тихомировъ.